Но внешность Жун Суна действительно была выдающейся — красивое, зрелое лицо с глубокими чертами и высоким переносицей, а особенно прекрасные персиковые глаза: когда он улыбался, уголки его глаз слегка изгибались, напоминая молодые месяцы, а во взгляде сиял блеск звёзд.

Это было лицо, балуемое небесами, рождённое для того, чтобы блистать на большом экране.

И поэтому… почему учитель Жун до сих пор не популярен?!

Глядя на удаляющуюся спину мужчины, работник съёмочной группы уже в десятитысячный раз задавался этим вопросом.

……

Жун Сун направился к режиссёру Вану и с первого взгляда заметил рядом с ним какого-то мужчину.

Тот был в бейсболке, надвинутой так низко, что лица почти не разглядеть, но отличался высоким ростом, стройным телосложением и прекрасными пропорциями фигуры.

Жун Сун подумал, что человек незнакомый — раньше на площадке он его не видел.

Впрочем, особого значения он этому не придал, так как не отличался сильным любопытством.

Он подошёл к режиссёру Вану:

— Режиссёр Ван, вы меня звали?

Говоря это, он бросил на мужчину взгляд исподлобья.

И от этого одного взгляда Жун Сун мгновенно воспылал любопытством.

Во-первых, потому что на мужчине всё ещё была чёрная медицинская маска, оставлявшая открытыми лишь брови и глаза, отчего весь его облик казался таинственным.

А во-вторых… у него были невероятно красивые глаза!

Глазные впадины мужчины были глубокими, внешние уголки слегка опущены, взгляд — мрачным и пронзительным, а густые брови с резкими, холодными изломами придавали лицу выразительную и острую решительность.

Жун Сун больше всего на свете любил именно такие глаза.

Он всегда считал собственные глаза слишком мягкими, излишне нежными, лишёнными истинно мужской харизмы, а потому, заметив эту исполненную мужественности пару глаз, невольно проявил к незнакомцу повышенное внимание.

Режиссёр Ван ответил Жун Суну:

— Ничего особенного, просто нужно кое-что тебе передать, Сяо Жун, пойдём со мной в гримёрку.

Закончив говорить, он повернулся к мужчине:

— Сценарист Ли скоро будет, Сяо Цю, посиди пока здесь, я отдам Сяо Жюну вещь и сразу вернусь.

Однако Сяо Цю произнёс:

— Режиссёр Ван, я пойду с вами.

Режиссёр Ван кивнул:

— Что ж, ладно.

Голос мужчины заставил Жун Суна снова украдкой взглянуть на него. Про себя он отметил, что голос тоже весьма приятный.

Уж не новый ли он актёр?

Жун Сун счёл это маловероятным — в конце концов, съёмки фильма уже подходили к концу, кто же вступает в группу в такой момент?

Но если он всё-таки актёр, то, по меньшей мере, его технике владения речью можно только позавидовать.

Шагая позади режиссёра Вана и размышляя об истинной личности незнакомца, Жун Сун из-за знакомства с каждым закоулком съёмочной площадки почти не следил за дорогой.

Лишь опомнившись, он вдруг обнаружил, что идущий рядом с режиссёром Ваном мужчина каким-то образом оказался прямо возле него и притом невероятно близко — настолько близко, что он даже уловил шлейф лёгкого мужского парфюма с нотками уда.

Он повернул голову вбок и случайно встретился с мужчиной взглядом.

Жун Сун на мгновение замер, а затем одарил его доброжелательной улыбкой.

Мужчина резко отвёл глаза.

Жун Сун: «……» — опешил.

Он же просто улыбнулся, почему же это выглядело так, будто он кого-то напугал?

Он даже не заметил, что в момент, когда он посмотрел на него, тело мужчины мгновенно напряглось, натянувшись подобно тугой тетиве лука.

Войдя в специальную гримёрку режиссёра, режиссёр Ван запер дверь и сказал мужчине:

— Сяо Цю, в комнате только мы трое, Сяо Жун — человек свой, можешь снять кепку и маску. Сегодня солнце такое палящее, мне даже от одного взгляда жарко становится.

Мужчина тихо произнёс «угу», снял бейсболку, позволив ослепительным золотистым прядям средней длины упасть на плечи, а затем сбросил маску, явив миру своё безупречно красивое лицо.

Жун Сун невольно замер от удивления.

Режиссёр Ван улыбнулся:

— Сяо Жун, этого человека, полагаю, мне представлять не нужно?

Разумеется, не нужно.

Стоило ему разглядеть лицо, как Жун Сун сразу же узнал его.

Во всей съёмочной группе, во всей киностудии не нашлось бы ни единого человека, который не знал бы его.

Даже такой одержимый кино фанатик, как Жун Сун, для которого не существовало ничего в мире, кроме актёрского ремесла, был наслышан о нём.

— Выпустив дебютный альбом, сразу вознёсся на музыкальный олимп, билеты на его концерты невозможно достать — популярнейший певец современности, находящийся на самом пике

славы, Цю Гуйхэ.

На самом деле у Цю Гуйхэ был крайне узнаваемый голос, и стоило Жун Суну услышать хотя бы парочку его песен, он наверняка узнал бы его ещё тогда, когда тот заговорил раньше.

Но по воле случая вкусы у Жун Суна были довольно старомодными, и его плейлист состоял преимущественно из старых песен десятилетней давности.

Режиссёр Ван пояснил:

— Сяо Цю пришёл неофициально, афишировать это он не хочет, так что никому не рассказывай.

Жун Сун протянул руку Цю Гуйхэ и вежливо произнёс:

— Здравствуйте, я Жун Сун.

У Цю Гуйхэ были не только суровые брови и глаза, но и очень резкие черты лица, а от всего его облика исходила аура с надписью: «посторонним вход воспрещён».

С первого взгляда было очевидно, что человек этот сложен в общении.

К тому же звёзды столь высокого полёта всегда в той или иной степени обладали высокомерием.

Положенной вежливости никто не отменял, однако Жун Сун уже заранее морально подготовился к холодному приёму.

Выражение лица Цю Гуйхэ и впрямь стало чуточку более напряжённым, однако последовавшие за этим слова совершенно превзошли все ожидания Жун Суна —

— Здравствуйте, Цю Гуйхэ, — Цю Гуйхэ пожал ему руку. — Я очень давно знаком с творчеством учителя Жуна… я видел его работы.

Жун Сун тут же изумился, польщённый до глубины души.

Будучи актёром артхаусного кино, чья аудитория на Weibo едва насчитывала сто тысяч подписчиков, включая «мёртвые» аккаунты, щедро рассылаемые самой платформой, Жун Сун оставался донельзя нишевым артистом, которому на улице даже не приходилось надевать маску, опасаясь быть узнанным.

Что же касалось фильмов с его участием… скажем так, даже у его самой известной картины количество просмотров на Douban едва переваливало за пять знаков.

Разумеется, если не брать в расчет снимающуюся прямо сейчас ленту — для Жун Суна это был первый опыт участия в крупнобюджетном коммерческом фильме, где ему досталась второстепенная роль.

Кто бы мог подумать, что сама звезда первой величины Цю Гуйхэ действительно смотрел его фильмы? Неужели он поклонник малоизвестного артхауса?

Жун Суну страшно хотелось расспросить, какую именно картину тот видел, но, подумав, он засомневался: а вдруг собеседник просто проявил дежурную вежливость?

Цю Гуйхэ продолжил:

— Мне очень нравится Полная луна, учитель Жун великолепно сыграл в сцене, где подслушивает разговор родителей.

— Спасибо, что оценили.

Взгляд Жун Суна мгновенно потеплел.

Полная луна была его собственной любимой работой — лучшей среди всех его прошлых кинокартин, за которую он едва не получил награду за лучшую мужскую роль.

http://bllate.org/book/40968/5212708